

УДК 321

Т.А.Никитина, Е.И.Максименко

Оренбургский государственный университет

Оренбург, Россия

nikitina2408@mail.ru maksimenko@inbox.ru

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

**[*Nikitina T.A., Maksimenko E.I. Civil society and alternative forms
of social organization*]**

The article covers a range of issues associated with the comprehension of some fundamental theoretical constructs of civil society organizations in the development of post-conditions. The characteristic of the influence of civil society and non-civil structures for institutional development of society is discussed. This is precisely the focus of research and leads to a closer understanding of the diversity of social solidarity and the social itself, beyond the concept of civil society and influence of the evolution of contemporary societies. The authors reveal the idea that the political evolution of many modern societies, which are in the process of post-communist transition, is determined not only by the weakness of civil society, but also by a common form of social organization of non-civil. If a developed civil society contributes to the success of democratization, the weakness of civil society, is the abundance of forms of non-civil nature in hindering the development of democratic institutions.

Key words: civil society, quasi-modern society, non-civil structure, structure of the simulation activities, institutional deformation.

Гражданское общество рассматривается как универсальная сфера социальной самоорганизации, в институциональном отношении характеризуемая плотной сетью самодеятельных структур социального взаимодействия, а в культурном отношении – атмосферой равноправия, солидарности, сотрудничества и доверия. Именно такое состояние общественной (социокультурной) среды воспринимается как необходимое условие успешной демократизации.

В политологической литературе попытки объяснить социальные основания политики в посткоммунистических обществах (и, более широко, в обществах, находящихся в состоянии поставторитарных транзитов) происходят преимущественно в рамках концепции гражданского общества. При этом гражданское общество рассматривается как универсальная сфера социальной самоорганизации, в институциональном отношении ха-

рактируемая плотной сетью самодеятельных структур социального взаимодействия, а в культурном отношении – атмосферой равноправия, солидарности, сотрудничества и доверия. Именно такое состояние общественной (социокультурной) среды воспринимается как необходимое условие успешной демократизации. В современном массовом сознании, в языке деклараций и дискуссий, а иногда даже и дискуссий академических между понятиями «гражданское общество» и «демократия» не существует отчетливого разграничения. Часто эти термины воспринимаются как синонимы. Однако это не так. Гражданское общество – это феномен социальный, в то время как демократия – феномен политический. Первые восточно-европейские теоретики гражданского общества подчеркивали неполитическую ориентацию концепции. Их критика была направлена не только на огосударствление общественной жизни, но и вообще против чрезмерной ее политизации. Однако после 1990 года страны Восточной Европы вступили на путь перехода от авторитарных систем к системам демократическим. В этих условиях идеал общественного самоопределения в рамках ассоциативной сети гражданского взаимодействия столкнулся с новой, посткоммунистической реальностью, которая явилась принципиально иным фоном для постановки общественно-политических проблем. Основой новой проблематики общественного развития стала задача выстроить и добиться консолидации институциональной структуры либеральной демократии. В связи с этим концепция гражданского общества стала меняться. Произошло, по выражению Гидеона Бейкера, демократическое «приручение» гражданского общества.

Эта концептуальная эволюция выразилась в том, что центр тяжести данного теоретического дискурса стал смещаться из области дескриптивной (описательной и нормативной) в область аналитическую, то есть в сферу адаптации концепции к задачам эмпирически ориентированных исследований.

Итак, в 70-е и далее в 80-е гг. происходит то что можно назвать современным «открытием» концепции гражданского общества. Включение в обиход политических исследований нового теоретического инструмента вызвало настоящий энтузиазм. В этой атмосфере сложилась точка зрения, в соответствии с которой социальная структура «гражданской сферы» стала, по сути дела, восприниматься как единственно возможная (в совре-

менном контексте) констелляция социальных институтов. Таким образом, отсутствие или слабость институтов гражданского общества означали, что данное сообщество просто лишено инструментов социальной (само)организации. В определенном, нормативном, отношении, такая позиция, возможно, и заслуживает внимания. Однако дескриптивно ориентированное исследование обнаруживает то обстоятельство, что в любом современном обществе наряду с более или менее развитой гражданской сферой (либо на ее месте – в том случае, когда ее нет, или «почти» нет) существуют иные формы социальной организации. С точки зрения дискурса гражданского общества, эти формы будут восприниматься как набор неких социокультурных альтернатив. Жизнеспособность этих структур, так же как и устойчивость самого гражданского общества, зависит от связанных с ними сетей солидарности. Поэтому их можно описывать как своеобразный аналог гражданского общества, который предлагается именовать «реальным гражданским обществом» [1].

«Реальное гражданское общество» состоит из замкнутых (исключающих) сетевых структур, имеющих, как правило, иерархическое строение. Среди его форм можно указать такие институциональные конструкции, как «аморальный фауилизм», разновидности клиентелизма (родственные отношения, патронаж, мафия, автократические клики и клиентелистские партии), «блат» и коррупция, угроза масштабных насильственных действий (переворот, терроризм и т.п.), гражданское неповиновение, системы обычного права и др[2].

Солидарность (форма социального капитала), характеризующая «реальное гражданское общество», основана на принципах, существенно отличающихся от принципов гражданственности, более того, зачастую прямо противоположных культурным основам гражданской сферы. Мир «реального гражданского общества» – это общественный мир «негражданственности». Вернее, один из сегментов этого мира. Другой его сегмент связан с феноменом общественной атомизации.

Именно социокультурный контекст негражданственности и характеризует большую часть переходных обществ, определяя особый склад общественных оснований их политической жизни. Поэтому внимание исследователей должно быть сдвинуто от несколько отвлеченного интереса к феномену гражданского общества в направлении исследования реальных контекстов не-

гражданственности. Продолжая использовать формулу, предложенную Т. Карозесом, можно выдвинуть тезис о «конце парадигмы гражданского общества». Этот тезис следует рассматривать как часть критики, направленной против теологичности парадигмы транзита.

Исследование, которое опирается на представленные выше положения, позволяет видеть, что проблемы посткоммунистических переходов связаны не просто с «отсутствием» развитого гражданского общества, а с наличием очень сложной культурной и институциональной среды, которая препятствует успешному развитию, как институтов демократической политики, так и эффективного правительства.

Важным аспектом в исследовании форм негражданственности является вопрос о позиционировании их в конкретных общественно-исторических контекстах. Закрытые (партикулярные) структуры солидарности существовали всегда, на протяжении всей человеческой истории. Напротив, феномены, в той или иной степени, предвосхищавшие современное гражданское общество, появлялись довольно редко, в особых исторических и культурных условиях[3]. Развитая сфера универсальной солидарности (гражданственности) формируется лишь в ходе того, что принято называть процессом современного развития (модернизации). Именно в современном обществе эта форма социальной самоорганизации становится социокультурным мейнстримом. Таким образом, понимание природы культурных и институциональных форм негражданственности, существующих в современных (прежде всего, посткоммунистических) обществах тесно связано с вопросом о степени их модернизации.

На деле так называемая «степень модернизации» всегда означает очень сложное социетальное состояние, сочетающее современные и до-современные черты общественного устройства. Кроме того, довольно часто мы сталкиваемся с такими свойствами общественной организации, которые следует характеризовать как «квази-современные» [4].

Необходимо отметить, что «квази-современные» общества часто возникают вследствие попыток альтернативной, по сравнению с «западным» модернизационным мейнстримом, трансформации. Такие попытки неизменно заканчивались исторической катастрофой. Отметим здесь, что в 90-е годы, сразу после краха коммунизма в Европе, в этом мало кто со-

мневался. Однако сейчас в российской академической среде все более отчетливо начинают звучать голоса, высказывающие предположение о том, что, возможно, странам Восточной Азии удалось найти свой особый путь к современности. Причину этого, вероятно, следует видеть в том, то они чрезвычайно обедняют и, что еще хуже, деформируют институциональную и социокультурную среду. Какая-то часть институтов, унаследованных от «старого общества», объявляется вне закона и подвергается жесточайшему давлению. Другая часть признается «полезной» или просто терпимой в рамках «строительства нового общества». Но, будучи вырванными из реально действующего модернизационного контекста, эти «полезные» институты, как правило, превращаются в структуры имитационной деятельности. Имитационный контекст, предлагает сигналы, которые не отвечают подлинной логике современных институтов. Поэтому их способность производить ресурсы, необходимые для устойчивого современного развития, катастрофически снижается. Например, утрачивается способность успешно воспроизводить эффективную и ответственную элиту, которая могла бы обеспечить руководство в процессе развития.

Институциональная деформация имеет целый ряд общественно значимых последствий. Одно из них заключается в том, что в условиях анти-современного общества повышается роль неформальных институтов. При этом они подменяют собой формальные структуры, а их деятельность очень часто носит нелегитимный (с точки зрения действующей в сообществе формальной системы ценностей и норм) и даже нелегальный характер. Неизбежность такой подмены определяется простой логикой выживания сообщества, когда, например, неэффективная плановая экономика подменяется теневой экономикой, системой «блата» и другими формами коррупции [5].

Тоталитарный коммунистический проект является одним из наиболее очевидных случаев альтернативной (не-западной) модернизации. При этом гражданская сфера оказывается на острие тоталитарных усилий, направленных на деформацию институтов современного общества. Всякая самодеятельная общественная (и даже частная) активность рассматривается как вызов тоталитарному правительству, которое стремится без остатка подчинить публичную и частную деятельность своему контролю. Разумеется, в реальных исторических условиях эта задача едва ли может быть решена полно-

стью. Всегда остаются некие социетальные «карманы», живущие по правилам, в той или иной степени автономным по отношению к формально провозглашенным тоталитарным правилам. И все же тоталитаризм почти полностью уничтожает институты современной гражданственности.

В соответствии с идеями альтернативной модернизации, «буржуазное» гражданское общество должно уступить место системе всеобщей политической мобилизации масс, объединенных сначала задачами революции, а затем программой коммунистического строительства. Это означает, что тоталитарная мобилизация оборачивается имитацией общественной активности, будучи, в действительности, важнейшим (наряду с массовым террором) инструментом контроля над обществом. Имитационная активность, в свою очередь, способствует социокультурной деградации социума, углублению его атомизации. Сохранившиеся силы социальной самодеятельности и самоорганизации вытесняются в сферу частной жизни, а также в сферу действия неформальных институтов. Во многом именно здесь формируется коммунистический вариант «реального» гражданского общества, основными институциональными формами которого являются сети коррупции, бюрократический патронаж и организованная преступность.

Жизнеспособность негражданственной среды в современной России связана не только с инерционностью, соответствующей традиции, но также и с деятельностью политического руководства, которая приводит к снижению гражданского тонуса российского общества, что позволяет политически эксплуатировать формы негражданственности. Слабость гражданского общества, усугубляемая институциональной неэффективностью (и коррупцией), позволяет ведущим режимным акторам в регионах культивировать и использовать в политических целях структуры негражданственной социальной организации на основе «негативной» формы социального капитала. Это дает возможность решать текущие политические задачи, но подрывает институциональный и социокультурный потенциал развития региональных сообществ и российского общества в целом.

Таким образом, институциональная деформация имеет целый ряд общественно значимых последствий. Одно из них заключается в том, что в условиях квази-современного общества повышается роль неформальных институтов. При этом они подменяют собой формальные структуры, а их

деятельность очень часто носит нелегитимный (с точки зрения действующей в сообществе формальной системы ценностей и норм) и даже нелегальный характер. Неизбежность такой подмены определяется простой логикой выживания сообщества, когда, например, неэффективная плановая экономика подменяется теневой экономикой, системой «блата» и другими формами коррупции.[6]. И, есть все основания полагать, что сфера негражданственности становится социокультурным мейнстримом квазисовременного общества, а негражданственность является одним из наиболее значимых аспектов социокультурного наследия тоталитаризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гончаров Д.В., Никитина Т.А.* Феномен негражданственности в посткоммунистическом мире // Труды Оренбургского института МГЮА. Оренбург, 2010.
2. *Гельман В.* Центр и региональные идентичности в России. СПб., М., 2003.
Ledeneva A. Russia's economy of favours: blat, networking and informal exchange. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1998.;
Ledeneva A. How Russia Really Works: the Informal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business. Ithaca: Cornell University Press, 2006.
3. *Ernest G.* Anthropology and politics: revolutions in the sacred grove. Oxford, 1995.
4. *Rose R.* Modern, Pre-modern and Anti-modern Social Capital in Russia. Glasgow: Center for the Study of Public Policy (University of Strathclyde), 1999.
5. *Ledeneva A.* Russia's economy of favours: blat, networking and informal exchange. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1998.;
Lauth H.-J. Institutions and Democracy // Democratization. 2000. V.7. №.4.

REFERENCES

1. *Goncharov D.V., Nikitin T.A.* Negrazhdanstvennosti phenomenon in post-communist world // Proceedings of the Orenburg Institute MSLA. Orenburg, 2010.

2. *Gelman B.* centers and regional identity in Russia. SPb., M., 2003. *Ledeneva A.* Russia's economy of favours: blat, networking and informal exchange. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1998 .; *Ledeneva A.* How Russia Really Works: the In-formal Practices That Shaped Post-Soviet Politics and Business. Ithaca: Cornell University Press, 2006.
3. *Ernest G.* Anthropology and politics: revolutions in the sacred grove. Oxford, 1995.
4. *Rose R.* Modern, Pre-modern and Anti-modern Social Capital in Russia. Glasgow: Center for the Study of Public Policy (University of Strathclyde), 1999.
5. *Ledeneva A.* Russia's economy of favours: blat, networking and informal exchange. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1998 .; *Lauth H.-J.* Institutions and Democracy // Democratization. 2000. V.7, №.4.

20 октября 2014 г.
